

МЕКСИКАНСКИЙ АРХИВ

НАСЛЕДНИКИ АРБАТА. КНИГА ШЕСТАЯ

НАДЕЖДА ЧАРОДЕЙСКАЯ

Надежда Чародейская
Мексиканский архив

«Автор»

2026

Чародейская Н.

Мексиканский архив / Н. Чародейская — «Автор», 2026

Виктория Князева-Ларина — праправнучка легендарной Марьяны Лариной, руководитель экспедиций Академии Хранителей. Она отправляется в Мексику, чтобы найти тайник Братства, спрятанный четыреста лет назад. Мексиканская сторона выделяет ей в помощь архитектора Алехандро Ортегу — самоуверенного, обаятельного и с первой встречи выводящего Тори из себя. Их столкновение неизбежно, но когда они находят зашифрованные документы о связи Хранителей с древними цивилизациями майя, а за архивом начинают охоту «чёрные археологи», им приходится объединиться. От пирамид Чичен-Ицы до джунглей Юкатана, от подземелий Монте-Альбана до острова Пасхи — Тори и Алехандро идут по следу, который приведёт их к главной тайне Братства в Новом Свете. Это история о наследии, которое не выбирают, о любви, которая сильнее опасности, и о выборе, определяющем судьбу.

© Чародейская Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Мехико	8
Глава 2. Алехандро	12
Глава 3. Код змей	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Надежда Чародейская

Мексиканский архив

Пролог

Москва, особняк Воронцовых, библиотека
Август, за месяц до отъезда

Марьяна сидела в своём любимом кресле у камина, укрытая пледом, несмотря на тёплый августовский вечер. В последние годы она мёрзла даже летом — возраст давал о себе знать. Ей было восемьдесят четыре, и она уже не ездила в экспедиции, не читала лекций в Академии, не спорила с Верой о цвете фасадов. Но каждый вечер она спускалась в библиотеку, садилась под зелёную лампу и просматривала отчёты. Отчёты со всего мира — из Китая, Индии, Бразилии, Аргентины, Перу, Чили. Её дети, внуки и правнуки разлетелись по континентам, как те самые Хранители, что когда-то составляли карту в пекинском архиве. И каждый присылал ей весточку.

Сегодня на столе лежало письмо от Тори — написанное от руки, на бумаге, а не набранное на компьютере. Правнучка знала, что прабабушка ценит настоящие письма. «Это как прикосновение», — говорила Марьяна, и Тори запомнила.

Она развернула листок. Почерк у Тори был стремительный, летящий — как у всех Лариных.

«Дорогая бабушка Мара!

Пишу тебе из Лимы. Мы только что вернулись из экспедиции в Анды — нашли ещё один тайник, сорок девятый. Андрей передаёт привет из Чили — у него тоже удачно. Но самое интересное впереди. Вера утвердила мою заявку на Мексику. Я возглавлю экспедицию. Сама. Без мамы и папы, без Андрея. Конечно, со мной поедут студенты и специалисты, но руководителем буду я. Представляешь? Мне двадцать пять, а я уже веду за собой людей.

Мексика — это особенная точка на карте. Согласно бразильским документам, там было одно из крупнейших отделений Братства в Новом Свете. Они не просто оставили архив — они, кажется, нашли что-то, связанное с древними цивилизациями. Майя. Ацтеки. Мы пока не знаем точно. Но я узнаю.

Мексиканская сторона выделила нам специалиста — какого-то Алехандро Ортегу. Я о нём ничего не знаю, кроме того, что он архитектор и работает в Национальном институте антропологии. Надеюсь, он не будет мне мешать.

Я приеду в Москву перед отлётом. Обниму тебя. Расскажу всё лично.

Твоя Тори».

Марьяна отложила письмо и улыбнулась. Она вспомнила себя в двадцать пять — как стояла в подземном ходе Куракинских, сжимая в руках фонарь и первый найденный ларец. Как боялась и всё равно шла вперёд. Как Дмитрий — тогда ещё просто напарник, а не муж — держал её за руку и говорил: «Ты справишься».

Тори была похожа на неё. Та же горячность, то же упрямство, та же вера в правду. И та же неспособность сидеть на месте.

— Что там? — спросил Дмитрий, входя в библиотеку. Он всё ещё был бодр, хотя ходил теперь с палочкой, и его некогда тёмные волосы стали совершенно белыми.

— Тори едет в Мексику. Возглавит экспедицию.

— Одна?

— С командой. И с каким-то мексиканским архитектором. Пишет: «Надеюсь, он не будет мне мешать».

Дмитрий усмехнулся.

— Помнишь, как ты говорила то же самое обо мне?

— Помню. — Марьяна взяла его за руку. — И ты мне не мешал. Ты мне помогал.

— Вот и этот архитектор, возможно, будет не помехой.

— Посмотрим. Тори упряма. Ей трудно сходитьсь с людьми.

— Как и тебе когда-то.

— Как и мне.

Они замолчали, глядя на огонь в камине. За окнами шумел августовский ветер. Где-то наверху, в детской, играли младшие правнуки — дети Андреа и Максима, которые приехали погостить на лето. Дом был полон жизни, как и сорок лет назад, когда всё только начиналось.

— Ты волнуешься за неё? — спросил Дмитрий.

— Конечно. Мексика — это далеко. И опасно. Но я знаю, что она справится. Она — Ларина.

— Ларины всегда справляются.

— Да. Всегда.

Марьяна снова взяла письмо и перечитала последние строки. «Я приеду в Москву перед отлётом. Обниму тебя. Расскажу всё лично». Она представила, как Тори ворвётся в особняк — стремительная, с горящими глазами, с рюкзаком, набитым картами и документами. Как

будет рассказывать о планах, размахивая руками. Как Дмитрий будет ворчать, что она слишком рискует, а сам — тайком гордиться.

— Знаешь, — сказала Марьяна, — я думаю, что это письмо нужно сохранить. Для семейного архива.

— У нас уже тонны писем.

— Это другое. Это письмо от правнучки, которая возглавляет экспедицию в Мексику. Когда-нибудь её дети будут читать его. И гордиться.

— Ты всегда думаешь на два шага вперёд.

— Это семейное.

Дмитрий поцеловал её в висок. И в старом особняке на Пречистенке, под зелёной лампой, которая горела уже почти полвека, два человека, прошедшие через всё, думали о будущем. О Тори, которая готовилась к новому пути. О Мексике, которая ждала своих исследователей. О тайнах, которые ещё предстояло раскрыть.

Их корабль продолжал плыть.

Глава 1. Мехико

Мехико, Международный аэропорт имени Бенито Хуареса
Сентябрь, раннее утро

Мехико встретил Тори жарой — той особенной, плотной жарой, какая бывает только в городах, построенных на высоте двух тысяч метров над уровнем моря. Солнце палило нещадно, но воздух оставался разреженным, и требовалось время, чтобы привыкнуть. Тори, выйдя из зоны прилёта с рюкзаком за плечами, на мгновение зажмурилась и вдохнула незнакомый воздух, пахнувший бензином, специями и чем-то ещё — может быть, историей. Город, раскинувшийся в долине, окружённой горами, был огромен — двадцать миллионов человек жили здесь, на руинах древнего Теночтитлана.

Экспедиция была небольшой, но тщательно подобранной. Трое студентов Академии — двое парней и девушка, все из старшего курса, прошедшие строгий отбор. Инженер-реставратор из «Синего особняка», опытный, с двумя экспедициями за плечами. Переводчик, владевший испанским и несколькими местными диалектами. И, конечно, Тори — руководитель, самый молодой за всю историю Академии.

Она поправила лямку рюкзака и огляделась. Представитель мексиканской стороны должен был встретить их с табличкой. Её взгляд скользил по толпе встречающих — таксисты с плакатами, семьи с воздушными шарами, бизнесмены в строгих костюмах. Она искала табличку с надписью «Academia de los Guardianes» или хотя бы «Knyazeva-Larina», но не видела.

— Сеньорита Князева-Ларина?

Голос раздался сзади — низкий, с мягким испанским акцентом. Тори обернулась.

Перед ней стоял мужчина. Высокий — выше неё на полголовы. Смуглая кожа, тёмные волосы, чуть тронутые сединой на висках, хотя на вид ему было не больше тридцати. Карие глаза, в которых плясали смешинки. Лёгкая небритость. Одет небрежно, но дорого: льняная рубашка с закатанными рукавами, потёртые джинсы, кожаные ботинки ручной работы. На плече — такой же рюкзак, как у неё. В руках — смятая табличка с надписью «Tori».

— Алехандро Ортега, — представился он, протягивая руку. — Можно просто Алех. Я ваш куратор от Института антропологии.

Тори пожала его руку — крепко, по-деловому. Ладонь у него была сухой и тёплой.

— Виктория Князева-Ларина, — ответила она. — Можно просто Тори.

— Тори, — повторил он, пробуя имя на вкус. — Коротко и звучно. Мне нравится. А я думал, вы будете старше.

— А я думала, вы будете... — она запнулась, подбирая слово.

— Менее обаятельным? — Он улыбнулся, и улыбка у него была открытая, располагающая, но с какой-то хитринкой, которая сразу насторожила Тори. — Увы, это мой недостаток.

— Я хотела сказать «менее самоуверенным».

— Это одно и то же. — Он повернулся к остальным членам группы. — Добро пожаловать в Мехико. Машина ждёт. Я отвезу вас в гостиницу, а завтра — в монастырь Сан-Мигель. Там, согласно вашим документам, должен быть тайник.

— Вы читали наши документы? — Тори приподняла бровь.

— Разумеется. Я должен знать, с чем имею дело.

— И что вы думаете?

— Думаю, что это либо величайшее открытие в истории мексиканской археологии, либо тщательно продуманная мистификация. — Он улыбнулся. — Но я надеюсь на первое.

Тори хотела возразить, но сдержалась. Этот Алехандро Ортега ей сразу не понравился. Слишком уверенный. Слишком обаятельный. Слишком... всё. Но он был специалистом, которого выделила мексиканская сторона, и с этим приходилось считаться.

— Едем, — сказала она. — Показывайте ваш монастырь.

Монастырь Сан-Мигель, штат Идальго
Два дня спустя

Монастырь Сан-Мигель, построенный францисканцами в конце XVI века на руинах древнего святилища, стоял на вершине холма, окружённый зарослями агавы и кактусов. Его стены из розоватого камня, потрескавшиеся от времени, но всё ещё крепкие, видели многое: конкистадоров и миссионеров, восстания и эпидемии, запустение и возрождение. Теперь здесь был музей, но часть помещений оставалась закрытой для публики — слишком ветхие, слишком опасные.

Алехандро провёл группу через служебный вход. Внутри было прохладно и сумрачно. Пахло ладаном, старым камнем и временем.

— Вот здесь, — сказал он, останавливаясь перед дальней стеной в подвале. — Мы обнаружили символ, когда расчищали штукатурку. Корабль. Три мачты. Точно такой, как в ваших документах.

Тори подошла ближе. Символ был едва виден под слоем грязи, но она узнала его сразу. Этот знак она видела в Италии, в Китае, в Индии, в Бразилии, в Аргентине. Везде.

— Это они, — сказала она. — Хранители. Они были здесь.

— Я надеялся, что вы это скажете. — Алехандро взял фонарь. — Идёмте дальше. Там есть ещё кое-что.

Он повёл их через узкий коридор, который заканчивался массивной деревянной дверью. На двери — ещё один символ. И надпись на латыни: «Custodes veritatis».

— Вы знаете, что это значит? — спросил Алехандро.

— «Хранители истины», — ответила Тори. — Так они называли себя в Италии. И в других странах.

— Значит, ваши документы не врут.

— Они никогда не врут.

Дверь открылась с трудом — петли заржавели за столетия. За ней оказалась просторная комната со сводчатым потолком. Вдоль стен — деревянные стеллажи. На стеллажах — коробки, свитки, книги. И в центре — каменный постамент, а на нём — ларец. Точно такой же, как во всех других тайниках.

Тори замерла на пороге. Она видела такое десятки раз — на фотографиях, в отчётах, живую, — но каждый раз сердце замирало. Это был не просто ларец. Это было послание. Через века. Через океаны. От тех, кто верил, что однажды их найдут.

— Открывайте, — сказала она.

Алехандро подошёл к ларцу и осторожно поднял крышку. Внутри лежали свитки, перевязанные выцветшей лентой. И письмо. Тори взяла его и развернула. Латынь, смешанная с испанским.

— «Мы, Хранители Истины, прибывшие из Испании в Новую Испанию в год 1598, оставляем сию запись. Мы нашли убежище в монастыре Сан-Мигель. Братья-францисканцы приняли нас с миром. Мы продолжили нашу работу здесь. Но главное — мы нашли то, что искали. Следы древних. Тех, кто был здесь до нас. Кто тоже хранил знания. Кто построил пирамиды и города. Мы учились у них. И мы оставили это знание здесь. Пусть те, кто придёт после, продолжат наш путь. Мы были здесь. Мы верили. Мы любили».

Тори опустила письмо.

— «Следы древних», — повторила она. — Они нашли что-то, связанное с индейцами. С майя или ацтеками.

— Значит, ваша теория верна, — сказал Алехандро, и в его голосе впервые за всё время прозвучало неподдельное волнение. — Хранители не просто принесли знания в Новый Свет. Они нашли здесь то, что уже существовало. Какую-то местную традицию сохранения знаний.

— Да. И мы должны понять, какую.

— Это меняет всё. Если Хранители взаимодействовали с доколумбовыми цивилизациями на таком уровне, это переворачивает представления об истории контактов Европы и Америки.

— Именно. Поэтому мы здесь.

Они начали разбирать архив. Студенты фотографировали каждый документ. Переводчик работал с испанскими текстами. Тори и Алехандро взяли на себя латынь.

Через несколько часов Тори нашла то, что искала. Карту. Не такую подробную, как пекинская, но достаточно ясную. На ней были отмечены точки — Мехико, Пуэбла, Оахака, полуостров Юкатан. И везде — символ корабля.

— Здесь пять точек, — сказала она. — Пять тайников по всей Мексике.

— Это работа на несколько месяцев, — заметил Алехандро.

— Мы справимся. У нас есть команда. И у нас есть вы.

— Я польщён.

— Не обольщайтесь. Это деловое партнёрство.

— Разумеется. — Он улыбнулся той самой улыбкой, которая её раздражала. — Чисто деловое.

Тори отвернулась, чтобы скрыть, что уголки её губ дрогнули в ответной улыбке. Она не собиралась давать этому самоуверенному мексиканцу повода думать, что он ей нравится. Даже если это было правдой.

Глава 2. Алехандро

Мехико, уличное кафе в районе Койоакан
Вечер после находки

Койоакан — старый колониальный район Мехико, где мощёные улочки петляли между ярко-розовыми и охряными домами с резными деревянными балконами, а воздух пах жасмином и свежей выпечкой. Здесь когда-то жили Фрида Кало и Диего Ривера, здесь до сих пор кипела богемная жизнь, и туристы толпами ходили по музеям, а местные жители пили кофе в крошечных кафе, спрятанных во внутренних дворах.

Тори сидела за столиком под раскидистым жакарандовым деревом и пила мексиканский кофе — густой, горьковатый, с корицей. После нескольких дней, проведённых в пыльном подвале монастыря, вечер в таком месте казался почти раем. Алехандро сидел напротив. Он сам выбрал это кафе — «лучшее в Койоакане», по его словам, — и теперь смотрел на неё с тем же выражением, что и в аэропорту: с лёгкой насмешкой, смешанной с любопытством.

— Вы хорошо поработали сегодня, — сказал он. — Для человека, который впервые в Мексике.

— Я не впервые, — возразила Тори. — Я была в Канкуне. В детстве, с родителями.

— Канкун — это не Мексика. Канкун — это пляж для туристов. — Он махнул рукой, словно отгоняя назойливую муху. — Настоящая Мексика — здесь. В Мехико, в Оахаке, на Юкатане. В джунглях, где до сих пор находят пирамиды. В деревнях, где говорят на языках, которым две тысячи лет.

— Вы поэт?

— Архитектор. Это почти то же самое. — Он отпил кофе. — Расскажите мне о вашей семье. О Хранителях.

— Вы читали книгу?

— Читал. «Хранители: история одной семьи». Три тома. Потрясающее чтение. Но книга — это одно. А живой человек — другое.

Тори помолчала, раздумывая. Она не привыкла рассказывать о семье посторонним. Но Алехандро не был посторонним — он был частью экспедиции. И он действительно прочитал книгу, а это уже заслуживало уважения.

— Моя прабабушка Марьяна, — начала она. — Ей сейчас восемьдесят четыре. Она нашла первый тайник в Москве, когда ей было двадцать три. Её отец, Андрей Ларин, начал это расследование, но погиб. Марьяна продолжила. Потом к ней присоединились другие — Воронцовы, Громы. Две семьи, которые враждовали тридцать лет. А потом... потом они стали одной семьёй.

— Я читал об этом. В книге это описано как «чудо».

— Это не чудо. Это работа. Они просто выбрали прощение вместо мести.

— Не каждый способен на такой выбор.

— Знаю. Поэтому я ими горжусь.

Алехандро кивнул.

— А ваши родители? Андреа и Максим? Они тоже участвовали в экспедициях?

— Да. Они нашли архивы в Италии, в Китае, в Индии, в Бразилии. Сейчас они в Аргентине — руководят новым филиалом Академии.

— А ваш брат Андрей?

— Он в Чили. У него своя экспедиция.

— Значит, вся семья разбросана по континентам.

— Да. Но мы на связи. Пишем письма, звоним, приезжаем на семейные советы. Раз в год все собираются в Москве. В особняке на Пречистенке. Это традиция.

— Красивая традиция.

— Семейная.

Он помолчал, вертя в руках чашку. Потом сказал:

— У меня нет такой семьи.

— Расскажите, — попросила она.

Он поднял на неё глаза. В них больше не было насмешки. Только что-то глубокое, спрятанное за маской обаяния.

— Мой отец был археологом. Он работал в Национальном институте антропологии. Занимался раскопками в Паленке, в Чичен-Ице. Однажды он нашёл гробницу — очень древнюю, с богатыми артефактами. Но его коллеги... они оказались не теми, за кого себя выдавали. Они украли находки и продали на чёрном рынке. Отца обвинили в соучастии. Он не смог доказать свою невиновность. Его карьера была разрушена. Он умер от сердечного приступа, когда мне было пятнадцать.

— Мне жаль, — сказала Тори.

— Не стоит. Это было давно. — Он отпил кофе. — После его смерти я поклялся, что стану археологом. Что буду искать правду — как он. Но потом понял: я не хочу быть археологом. Я хочу быть архитектором. Строить. Сохранять. Как Хранители.

— Как Хранители, — повторила она.

— Да. Поэтому я и согласился работать с вашей экспедицией. Когда ваш запрос пришёл в институт, я первым поднял руку.

— Вы верите в Братство?

— Я верю в людей, которые его создали. В тех, кто писал «Мы были здесь. Мы верили. Мы любили». Это не просто слова. Это... кредо.

Тори посмотрела на него. В уличном свете фонарей его лицо казалось почти резким — тени подчёркивали скулы, линию челюсти, лёгкую небритость. Но глаза были мягкими. И она вдруг поняла, что он ей нравится. Не как коллега. Как человек.

— Вы не такой, каким я вас представляла, — сказала она.

— А каким вы меня представляли?

— Самоуверенным. Нахальным. Тем, кто будет мешать.

— Я и есть самоуверенный и нахальный, — он улыбнулся. — Но я не мешаю. Я помогаю.

— Заметно.

— Вот и отлично. Тогда завтра — снова в архив. Нужно расшифровать остальные документы. Там, кажется, есть указания на Юкатан.

— Юкатан, — повторила Тори. — Пирамиды, джунгли, древние города. Я мечтала там побывать.

— Значит, ваша мечта сбудется. — Он поднял чашку, словно для тоста. — За Юкатан.

— За Юкатан.

Они чокнулись чашками. И в этот момент Тори поняла, что эта экспедиция будет не такой, как все предыдущие. Не только из-за тайников. Из-за него.

Национальный институт антропологии, Мехико
Следующее утро

Институт размещался в монументальном здании в центре Мехико — бывшем колониальном дворце, перестроенном под музей и исследовательский центр. Алехандро провёл Тори через лабиринт коридоров в свой кабинет — небольшую комнату, заваленную книгами, картами и чертежами. На стенах висели фотографии археологических раскопок, на полках стояли керамические фигурки доколумбовой эпохи, а в углу, на деревянной подставке, возвышалась модель пирамиды Кукулькана в Чичен-Ице — той самой, где в дни равноденствия тень изображает спускающегося змея. Тори задержалась у макета, разглядывая ступени.

— Красиво, — сказала она.

— Это копия. Настоящая пирамида гораздо больше. Я работал там три года назад — реставрировал северную лестницу.

— Вы реставратор?

— Архитектор-реставратор. Специализация — колониальная архитектура и памятники майя. — Он сел за стол и разложил документы, которые они принесли из монастыря. — Я всю ночь работал с этими свитками. И кое-что нашёл.

Тори села напротив. Алехандро развернул один из свитков — тот, что был написан на смеси латыни и испанского.

— Здесь говорится о «Chichén Itzá», — сказал он. — Чичен-Ица. Хранители побывали там в 1605 году. Они встретились с местными жрецами, которые хранили древние знания майя. И они обменялись этими знаниями.

— Обменялись? Что именно они обменяли?

— Хранители дали жрецам технологии сохранения рукописей. А жрецы дали Хранителям... — он запнулся, вглядываясь в текст. — Здесь написано «el código de las serpientes». Код змей.

— Что это значит?

— Не знаю. Но это как-то связано с календарём майя. И с пирамидой Кукулькана. Кукулькан — это Пернатый Змей. Главное божество майя. Его храм — та самая пирамида.

— Значит, тайник может быть там.

— Возможно. Но чтобы попасть туда, нам нужно разрешение. Пирамида — объект ЮНЕСКО. Просто так копать нельзя.

— У нас есть разрешение. Вера договорилась с мексиканским правительством.

— Вы предусмотрительны.

— Это семейное. — Тори взяла свиток и пробежала глазами текст. — Здесь есть ещё что-то. «El camino de las tres serpientes» — «Путь трёх змей». Что это?

Алехандро нахмурился.

— Путь трёх змей... Я слышал это выражение. Это древняя легенда майя. Говорят, что где-то на Юкатане есть три пирамиды, соединённые подземными ходами. Они образуют треугольник. И в центре этого треугольника спрятано «сердце змея» — главный тайник. Но никто никогда не находил эти пирамиды.

— Значит, мы найдём.

— Вы так уверены?

— Я Ларина. Ларины всегда находят.

Алехандро посмотрел на неё. В его глазах снова заплясали смешинки, но на этот раз к ним примешивалось что-то ещё. Уважение. Может быть, даже восхищение.

— Вы невыносимы, — сказал он.

— Слышала это много раз.

— Но я начинаю к этому привыкать.

— Вот и отлично. Тогда за работу.

Они склонились над картами. Впереди был Юкатан — джунгли, пирамиды, древние тайны. И где-то там, среди руин, ждал своего часа тайник, который не открывали четыреста лет.

Глава 3. Код змей

Мехико, Национальный институт антропологии, кабинет Алехандро
Следующее утро, 8:00

Тори пришла в институт раньше всех — привычка, выработанная годами экспедиций. Она любила утренние часы, когда никто не мешает, когда можно разложить на столе все документы и работать в тишине. Сегодня ей нужно было разобраться с «кодом змей» — загадочным шифром, о котором говорилось в монастырских свитках.

Она разложила копии документов — те, что они нашли в Сан-Мигеле. Письма, карты, списки. И отдельно — фрагмент с упоминанием «el código de las serpientes». Текст был написан на смеси латыни и староиспанского, и некоторые слова она не могла перевести. Нужен был Алехандро с его знанием колониальной лексики, но он опаздывал, и Тори, хмурясь, пыталась разобраться сама.

Дверь открылась. Вошёл Алехандро — с двумя стаканчиками кофе и бумажным пакетом, из которого пахло свежей выпечкой.

— Доброе утро, — сказал он. — Вы опять не завтракали.

— Откуда вы знаете?

— У вас на столе нет ни крошки. И вы хмуритесь. Когда вы голодны, вы всегда хмуритесь.

— Вы следите за мной?

— Я наблюдателен. — Он поставил перед ней стаканчик и пакет. — Это чуррос. С корицей и сахаром. Национальное мексиканское блюдо. Ешьте.

Тори хотела возразить, но запах был слишком соблазнительным. Она взяла одну палочку и откусила. Хрустящая, сладкая, с корицей — действительно вкусно.

— Спасибо, — сказала она нехотя.

— Не за что. — Он сел напротив. — Что у нас сегодня?

— «Код змей». Я пыталась перевести, но некоторые слова не понимаю. Вот здесь, — она указала на фрагмент текста, — «la serpiente emplumada guarda el secreto en su corazón de piedra». Пернатый змей хранит секрет в своём каменном сердце.

Алехандро взял свиток и пробежал глазами текст.

— Это поэтическая метафора. Кукулькан — Пернатый Змей. Его храм — пирамида в Чичен-Ице. А «каменное сердце»... — он задумался. — Возможно, имеется в виду алтарный камень. В пирамидах майя всегда был алтарь в центральной камере. На нём совершали подношения. Если Хранители спрятали что-то в пирамиде, логичнее всего искать у алтаря.

— Но пирамиду Кукулькана исследовали вдоль и поперёк. Там нет неоткрытых камер.

— В самой пирамиде — нет. Но под ней — возможно. В 2015 году учёные обнаружили, что пирамида Кукулькана стоит на более древней пирамиде. А та — на ещё более древней. Это как матрёшка. Три пирамиды, построенные одна поверх другой в разные века. Возможно, под ними есть ходы, о которых мы не знаем.

— Подземные ходы. Как в Москве. Как в Бразилии. Как везде.

— Да. Хранители везде использовали одни и те же методы.

Тори взяла ещё один свиток — карту, которую они нашли в монастыре. На ней были отмечены точки — Мехико, Пуэбла, Оахака, Чичен-Ица, Ушмаль. Пять городов. Пять пирамид. И если соединить их линиями, получался идеальный пятиугольник — геометрически точный, словно вычерченный по линейке.

— Смотрите, — сказала она. — Если соединить все пять точек...

— Получается пентаграмма. — Алехандро склонился над картой. — Это не случайно. Майя использовали пятиугольники в своей архитектуре. Они символизировали Венеру — утреннюю звезду. А Венера была связана с Кукульканом.

— Значит, тайники расположены не хаотично. Они образуют геометрическую фигуру. И, возможно, в центре этой фигуры — главный тайник.

— «Сердце змея». — Алехандро взял карандаш и провёл линии от всех пяти точек к центру. Они сошлись в одной точке — где-то посреди джунглей Юкатана, вдали от всех известных городов. — Вот здесь. Если наша теория верна, главный тайник — здесь.

Тори посмотрела на карту.

— Мы должны проверить. Сначала — Чичен-Ица. Потом — эта точка.

— Это опасно. Джунгли Юкатана — не самое гостеприимное место. Там водятся ягуары, змеи, москиты, переносящие лихорадку. И, возможно, «чёрные археологи». После того как мы нашли архив в Сан-Мигеле, слухи могли разойтись. Если кто-то ещё охотится за сокровищами Братства, они могут пойти по нашему следу.

— Вы боитесь?

— Я реалист. — Он посмотрел на неё. — Но я иду с вами.

— Я и не сомневалась.

В дверь постучали. Вошёл один из студентов — взволнованный, запыхавшийся.

— Тори! Алехандро! Там... там человек. В вестибюле. Он спрашивает о монастырском архиве. Говорит, что он журналист. Но мне кажется, он врёт.

Тори и Алехандро переглянулись.

— Начинается, — сказала она.

— Да. — Он встал. — Я поговорю с ним. А вы пока спрячьте документы.

— Я сама поговорю.

— Тори...

— Я руководитель экспедиции. Это моя работа.

Она вышла из кабинета и направилась в вестибюль. Там, у стойки регистрации, стоял мужчина. Высокий, в тёмном костюме, с гладко зачёсанными волосами и холодными, ничего не выражающими глазами. Он не был похож на журналиста. Скорее на человека, который привык получать то, что хочет, любыми средствами.

— Сеньорита Князева-Ларина? — Он улыбнулся, но улыбка была фальшивой, словно приклеенной. — Меня зовут Рауль Мендес. Я представляю информационное агентство «Нотисиас дель Мундо». Мы хотели бы взять у вас интервью о находках в монастыре Сан-Мигель.

— У вас есть аккредитация? — спросила Тори.

— Разумеется. — Он протянул карточку. На ней действительно было написано «Нотисиас дель Мундо» и имя. Но что-то было не так. Тори не могла понять, что именно, но интуиция — та самая, которую она унаследовала от прабабушки Марьяны, — кричала об опасности.

— Я не даю интервью без предварительного согласования с пресс-службой института, — сказала она. — Обратитесь к ним.

— Но я здесь. И вы здесь. Неужели несколько вопросов займут много времени?

— Я занята.

Она повернулась, чтобы уйти, но Мендес шагнул вперёд и схватил её за локоть.

— Сеньорита, я настаиваю.

— Уберите руку. — Голос Тори стал ледяным.

В этот момент появился Алехандро. Он возник словно из ниоткуда — встал между Тори и Мендесом, и его обычно добродушное лицо стало жёстким.

— Сеньор, — произнёс он тихо, но в голосе звучала сталь, — если вы сейчас же не покинете здание, я вызову охрану. И полицию. И, возможно, Министерство культуры — у меня там есть знакомые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.